

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ О «ХЕТТО-ИБЕРИЙСКОМ» ЯЗЫКОВОМ ЕДИНСТВЕ

Дискуссия о хетто-иберийском языковом единстве, проходившая на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1954 и 1955 гг., несомненно, имеет положительное значение как с точки зрения выяснения фактического положения вещей, так и с точки зрения уточнения методики сравнительно-исторических исследований.

В статье Е. А. Б о к а р е в а «Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков»¹, с которой началась дискуссия, было указано, что положение о существовании генетического родства между кавказскими языками и древними языками Передней Азии преждевременно и при современной изученности вопроса не может быть проверено собственно научными методами. Свое утверждение автор обосновывал тем, что, с одной стороны, языки Передней Азии еще слишком мало изучены, а с другой, тем, что сравнительно-историческое изучение кавказских языков еще не привело к созданию их сравнительно-исторической грамматики, которая только и могла бы явиться надежной базой как для дальнейшего сравнительного изучения самих кавказских языков, так и для сопоставления их с языками Передней Азии.

В. Г е о р г и е в в своей статье «Вопросы родства средиземноморских языков»², опираясь на большой фактический материал, пришел к выводу, что большинство языков, обычно причисляемых к «хетто-иберийским», за исключением протохеттского и урартского, не могут считаться родственными кавказским языкам.

И. М. Д љ а к о н о в³, рассмотрев материалы древних языков Передней Азии (шумерского, эламского, урартского, хурритского), показал, что в настоящее время нет никаких оснований говорить о них, как о генетически родственных друг другу, а тем более родственных кавказским языкам. Особо выделяет И. М. Дьяконов вопрос о протохеттском языке, который он, ссылаясь на исследования И. М. Дунаевской, считает возможным причислить к кавказским.

И. М. Д у н а е в с к а я специально останавливается в своей статье⁴ на тех языках Передней Азии, которые часто причисляют к хетто-иберийским, но которые тем не менее должны быть отнесены к индоевропейским языкам (хеттский неситский, хеттский иероглифический, лувийский, ликийский, лидийский). Она считает возможным лишь родство протохеттского языка с грузинским.

С. С. К а к а б а д з е в статье «О так называемых „хеттско-иберий-

¹ ВЯ, 1954, № 3.

² ВЯ, 1954, № 4.

³ См. его статью «О языках древней Передней Азии» (ВЯ, 1954, № 5).

⁴ См. ее статью «О характере и связях языков древней Малой Азии» (ВЯ, 1954, № 6).

ских" языках"¹ подчеркивает, что теория «хетто-иберийского» единства является чисто декларативной и не может быть обоснована фактическим материалом.

К. В. Ломтатидзе, в отличие от названных выше участников дискуссии, выступает в защиту теории «хетто-иберийского» единства. Она считает, что требование об установлении звуковых соответствий между отдельными «хетто-иберийскими» языками является в настоящее время преждевременным, так как, по ее мнению, сравнительно-историческое изучение генетически родственных языков никогда не начинается с установления звуковых соответствий. В подтверждение же своего мнения о родстве «хетто-иберийских» языков друг с другом она приводит ряд структурных аналогий между шумерским и кавказскими языками².

Ю. В. Зыцарь в статье «О родстве баскского языка с кавказскими»³ приходит к выводу, что хотя указанное родство возможно, но в настоящее время оно не может считаться доказанным.

А. С. Чикобава в статье «О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков»⁴ возражает тем участникам дискуссии, которые высказывали сомнения в возможности объединения кавказских и древних переднеазиатских языков в одну языковую семью, и специально подчеркивает актуальность изучения вопроса об их генетическом единстве.

Таковы вкратце выводы, к которым пришли отдельные участники дискуссии, проведенной на страницах журнала «Вопросы языкознания». Каковы же общие итоги обсуждения вопроса о «хетто-иберийском» языковом единстве?

Прежде всего необходимо отметить, что существование «хетто-иберийской» языковой семьи нельзя считать доказанным. Аргументы, которые до сих пор приводились в пользу генетического родства между кавказскими языками и древними языками Передней Азии, а также средиземноморскими языками (баскский, этрусский), настолько случайны и не систематизированы, что они не могут никоим образом рассеять сомнения в существовании «хетто-иберийского» языкового единства, которые высказывались в ходе дискуссии. Наличие связи между древними культурами народов Передней Азии, Средиземноморья и Кавказа далеко не достаточно для утверждения о языковом родстве, о генетическом единстве «хетто-иберийских» языков. Сторонники «хетто-иберийской» теории не только не привели в ходе дискуссии новых лингвистических данных в защиту своих положений, но даже и не попытались суммировать аргументы, которые уже приводились ранее, и отобрать те из них, которые могут считаться доказательными (см. статьи К. В. Ломтатидзе и А. С. Чикобава).

В самом деле, даже если принимать положение о «хетто-иберийском» единстве, нельзя одновременно опираться на все противоречивые утверждения, которые приводились до сих пор в пользу этого единства. Так, например, нельзя в одно и то же время принимать положения о родстве урартского языка то с лезгинскими, то с вейнахскими, то с абхазо-адыгскими, то с картвельскими, если не поставить предварительно вопрос о реальной сущности этих сближений. Урартский язык может быть родствен или только одной из этих групп, или же всем группам кавказских языков одновременно. В первом случае косвенно ставилось бы под сомнение генетическое родство самих кавказских языков, поскольку лишь

¹ ВЯ, 1955, № 4.

² См. ее статью «Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания» (ВЯ, 1955, № 4).

³ ВЯ, 1955, № 5.

⁴ ВЯ, 1955, № 6.

одна из этих групп кавказских языков считается родственной урартскому, или же предполагалось бы, что урартский язык является представителем только одной из этих групп. Во втором же случае урартский язык должен рассматриваться как генетически родственный кавказскому языку-основе, и поэтому следовало бы показать, что используемые сопоставления имеют в виду как раз те общекавказские элементы, которые могут быть возведены к кавказскому языку-основе. И, наконец, если предполагается, что из языков Передней Азии не только урартский язык является родственным кавказским языкам, то, очевидно, сопоставляемые элементы урартского языка также необходимо возводить к соответствующему языку-основе. Во всяком случае нельзя не учитывать в этой связи несомненное родство урартского языка с хурритским.

То же самое надо сказать и о попытке Месароша сблизить убыхский язык с протохеттским¹, на которую ссылается А. С. Чикобава. Какой реальный смысл можно вложить в сопоставления Месароша? Если речь идет о том, что убыхский язык в отличие от других языков абхазо-адыгской группы родствен протохеттскому, тогда следует, что убыхский язык не является родственным абхазо-адыгским языкам и поэтому не должен включаться в абхазо-адыгскую языковую группу. Если же убыхский язык родствен протохеттскому вместе со всеми абхазо-адыгскими языками, то надо было бы сравнивать факты протохеттского языка только с теми фактами убыхского языка, которые, на основе последовательного сравнения абхазо-адыгских языков между собой, могут быть возведены к абхазо-адыгскому языку-основе. Но и этот метод доказательств не мог бы считаться убедительным для подтверждения тезиса о единстве «хетто-иберийских» языков в целом, так как он отрывает абхазо-адыгские языки от остальных кавказских, а протохеттский от остальных древних языков Передней Азии. Для того чтобы теория «хетто-иберийского» единства могла быть подтверждена по существу, необходимо, чтобы факты сравниваемых языков возводились к соответствующему языку-основе, т. е. приводились к «общему историческому знаменателю». Только строгое и последовательное применение сравнительно-исторического метода дало бы право утверждать, что приводимые сопоставления опираются не только на внешнее сходство отдельных языковых фактов или на совпадения, возникающие в результате заимствований и других видов языкового взаимодействия.

Следует напомнить, что на неудовлетворительность подобных сближений указывал в свое время и А. С. Чикобава: «...попытки сближения с иберийско-кавказскими языками азиатических языков (Хюзинг, Борк, Тромбетти, Вайднер, Форрер, Контено и др.) пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования, поскольку привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков»². На каких же конкретно языковых фактах основываются сейчас сторонники «хетто-иберийского» единства? В ходе дискуссии они таких фактов не указали.

Нельзя считать убедительными попытки К. В. Ломтатидзе опереться на типологические сходства между кавказскими и переднеазиатскими языками как на довод в пользу генетического родства этих языков. К тому же структурные особенности шумерского языка, которые она использует в большинстве случаев, являются чуждыми другим переднеазиатским языкам, например хурритскому и урартскому. И. М. Дья-

¹ См. J. Mészáros, *Die Päkhy-Sprache*, Chicago, 1934.

² А. С. Чикобава, *Введение в языковедение*, ч. I, М., 1952, стр. 227.

конов в своем письме, присланном в редакцию журнала «Вопросы языкознания», пишет по этому поводу: «К. В. Ломтатидзе видит черты связи между шумерским и кавказскими в преимущественно префиксальном характере формантов, в наличии классов людей и вещей, в энклитическом характере связи „быть“ и в наличии эргативной конструкции со всеми вытекающими отсюда последствиями; но в хурритском все форманты суффиксальные, классов нет, связка не носит энклитического характера; остается только эргативная конструкция».

Попытки генетического сближения языков, основанные на структурном, типологическом сходстве, никак нельзя считать методологически правомерными. Ведь ни «языковые круги», устанавливаемые В. Шмидтом на основании комплексов определенных морфологических черт¹, ни типологические сближения между кавказскими и американскими языками, которые приводит Н. Ф. Яковлев², а вслед за ним и Т. Милевский³, никак не могут рассматриваться как доказательства при суждении о генетическом родстве языков. Об этом писал ранее и А. С. Чикобава: «...сходство может иметь место и между неродственными языками; оно может быть или материальным, но лишь случайным (заимствованные слова!), или может быть и неслучайным, типологическим, но не материальным (одинаковое в принципе строение слова, например, префиксация там, где в других языках налицо суффиксация). Сходство же родственных языков, проявляясь в основном словарном фонде и в грамматическом инвентаре, является сходством закономерным: одни и те же языковые факты (основы, аффиксы) в них представлены в дифференцированном виде»⁴.

Необходимо также отметить недооценку принципа регулярности звуковых соответствий в дискуссионных статьях А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе. Отсутствие ссылки на закономерность звуковых соответствий между сравниваемыми языками лишает утверждение о наличии родства языков необходимого методического обоснования. Единичные сопоставления звуков, взятые вне системы регулярных звуковых соответствий и не подкрепленные достаточным числом примеров, ничего не доказывают. Игнорировать регулярность звуковых соответствий — значит лишить себя основных средств, необходимых для того, чтобы отличить сходство, основанное на генетическом родстве, от случайного звукового сходства и сходства, возникшего в результате различного рода взаимодействий между языками.

Нельзя согласиться и с указаниями А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе на то, что в истории сравнительно-исторического языкознания звуковые соответствия устанавливаются лишь как завершение сравнительно-исторического изучения родственных языков. И. М. Дьяконов совершенно правильно указывает в уже упоминавшемся письме в редакцию, что сравнительно-историческое изучение семитских языков началось как раз с установления таких соответствий; начало сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков также связано с установлением Раском и Гриммом перебора согласных в германских языках. Но если даже признать, что индоевропейское языкознание не сразу пришло к положению о регулярности звуковых соответствий, то это не значит, что при сравнительно-историческом изучении других языковых групп

¹ См. P. W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*, Heidelberg, 1926.

² См. Н. Ф. Яковлев, *Древние связи языков Кавказа, Азии и Америки*, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. II, М.—Л., 1947.

³ См. T. Milewski, *Comparaison des systèmes phonologiques des langues caucasiennes et américaines*, «Lingua Posnaniensis», t. V, 1955.

⁴ А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 194.

можно игнорировать опыт индоевропейского языкознания и просто копировать методику начальных периодов развития сравнительно-исторического метода. При сравнительно-историческом изучении кавказских языков надо учесть все достижения сравнительно-исторического языкознания и в том числе вывод о том, что наличие закономерных звуковых соответствий является непременным условием генетического сближения языков.

Ссылка на сложность звуковых соответствий в кавказских языках не меняет решения вопроса в целом, так как сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков также дает немало примеров сложных и запутанных рядов звуковых соответствий.

Таким образом, положение о генетическом родстве кавказских языков с древними языками Передней Азии и Средиземноморья не было подтверждено в процессе дискуссии лингвистическими материалами. Но можно ли вместе с тем сказать, что эта проблема вообще должна быть снята, исключена из программы научно-исследовательских работ? Конечно, нет. Наоборот, дискуссия показала, что нужна большая углубленная, методически последовательная работа по накоплению и анализу фактов, после чего только и можно будет приступить к научной проверке утверждений о генетическом родстве кавказских и переднеазиатских языков. В этом отношении критические замечания Е. А. Бокарева сформулированы противоречиво¹.

Из проведенной дискуссии можно сделать и некоторые организационные выводы. Необходимо значительно усилить изучение древних языков Передней Азии, которыми до сего времени у нас занимается лишь очень небольшое число специалистов. И если в этой области наши возможности все же очень ограничены (недостаточность материалов, трудность расшифровки и т. д.), то в области изучения живых кавказских языков они огромны. Перед кавказоведами стоит ряд больших и вполне осуществимых задач. Надо больше внимания уделить изучению тех кавказских языков, которые до сего времени остаются еще недостаточно изученными. Надо публиковать материалы (тексты, грамматики, словари) по кавказским языкам, так как наличие большого числа рукописей еще не дает возможности широкому кругу специалистов использовать их и ввести в научный обиход новые факты.

Описательное изучение отдельных кавказских языков должно сопровождаться сравнительно-историческим изучением ближайше родственных языков (составление сравнительно-исторических грамматик, этимологических словарей), которые должны постепенно охватывать более широкие группы сравниваемых языков. Необходимо составление исторических грамматик отдельных языков, которые возможны даже для бесписьменных языков на основе использования фактов диалектов и ближайше родственных языков. Проведение всей этой работы даст исследователям возможность оперировать не случайными сопоставлениями, основанными на чисто внешних созвучиях, а закономерными и методически последовательно проводимыми реконструкциями.

Само собой разумеется, что в процессе сравнения должен уточняться

¹ См. ВЯ, 1954, № 3, стр. 53. В своем письме в редакцию Е. А. Бокарев пишет по поводу статьи А. С. Чикобава: «А. С. Чикобава совершенно произвольно приписывает мне мысль, будто я требую прекращения исследований в этом направлении, в то время как я говорю лишь о том, что проверка „хетто-иберийской“ теории в настоящее время еще не подготовлена состоянием исследовательской работы». В том же письме Е. А. Бокарев замечает, что ему неверно приписывается мысль, будто понятие кавказских, а тем более дагестанских языков является для него лишь географическим понятием, не связанным с представлением о генеалогическом родстве. Ср. ВЯ, 1954, № 3, стр. 43.

и самый метод сравнения в зависимости от конкретных условий, среди которых должны быть учтены не только специфические структурные особенности сравниваемых языков, но также и такие, как фрагментарность материалов большинства переднеазиатских языков, огромные различия, существующие между ними, большой хронологический разрыв между живыми кавказскими и мертвыми переднеазиатскими языками, отсутствие памятников письменности для кавказских языков (за исключением одного грузинского, имеющего памятники письменности, восходящие к V в. нашей эры).

Проведение такой предварительной работы совершенно необходимо для того, чтобы возникла фактическая возможность научной проверки теории «хетто-иберийского» единства.

Важно также указать, что сопоставление кавказских и переднеазиатских языков дает материалы не только для решения вопроса об их возможном генетическом родстве, но не в меньшей степени и для решения вопроса об их историческом взаимодействии, которое могло иметь место и при отсутствии какого-либо генетического родства.

Редакция журнала «Вопросы языкознания», подводя итоги дискуссии, выражает уверенность, что она явится новым стимулом к дальнейшему развертыванию исследований как кавказских, так и древних переднеазиатских языков, а также и к повышению общеметодологического уровня языковедческих исследований в этой области.
